

СЕРЕБРЯНЫЙ МОЙ ГОЛОС...

* * *

Поспел в аббатстве красный виноград.
Я не хожу в скрипучие воротца.
Там всё народ. Там пастушок, мой брат,
И мать моя, родившая уродца.

Карабкаюсь по лестнице витой,
Забрасываю камень за ограду.
Серебряный мой голос, золотой! —
Бог подарил вдобавок к винограду.

Я славлю щедрость горькую Твою,
Учу латынь, пишу, пишу в тетради.
И в винограде прячусь и пою.
Сижусь и плачу в красном винограде.

* * *

Ты на мое отчаянье похожа.
Стоит звезда над сушей и водой.
Горит душа и холодеет кожа,
И расцветает лютик золотой.

Дни выпадают, как дожди, и гаснут,
Как только дни — и как одним глотком,
Одним дыханьем говоря: — А вас тут
Забудут всех, не вспомнят ни о ком.

И ты мне скажешь, руки отнимая,
Что счастья нет, есть ветер и вода.
Затмилось сердце, слов не понимая,
И ветка ивы брошена туда.

Есть что-то в даре вечное, как в горе,
Привычное, как верность и тоска.
Как та река, впадающая в море,
Идущее волной на берега.

И это жизнь. Её узор подвижен.
У ней изнанки нету никакой,
А на лице, среди цветов и вишен,
Мы вышиты коснеющей рукой.

И армия ждёт тебя в Нарве –
И всё ж ты играешь на арфе!

Как подвиги вечны, так вечны слова.
Как в рост косаря вырастает трава,
Так мерится викинг со скальдом,
Гаральд, соревнуйся с Гаральдом.

И стоит лишь ночью мне пламя зажечь,
Кровавые блески ложатся на меч
И чудится, юное снова,
Гаральда военное слово.

Пусть музыканты взойдут на крыльцо,
Я их никого не узнаю в лицо,
Велю я им : Песню сыграйте
О доблестном, славном Гаральде.

И станут настраивать скрипку и альт,
И станут расстраивать сердце, Гаральд!
Оно для них что-нибудь значит,
Лишь только когда оно плачет.

Август, твоё ночное
Имя черней воды.
Было ли что иное,
Кроме одной беды.

И очертанье круга
Видишь в конце прямой.
И никакого друга,
Кроме себя самой.

Памяти птиц пропавших
Траурный свет террас.
В нас, до утра не спавших,
Августа серый глаз.

Август, в твою дубраву,
В праведный холод фраз.
Ни по какому праву.
Просто в последний раз.

Что ведаёт разум? В нём встала с душою вражда,
Она как вода, и на ней угасают огни.
Душа угождает, но музыке стала чужда.
Предчувствие смерти сжигает последние дни.

Все умные речи, не ждавшие темных ночей,
Записаны в книги, а книгам уж не до меня.
Что тает свеча, и за что утекает ручей,
И каётся сердце, дождавшись последнего дня?

В лесу ездок поводья опустил:
Молю я, чтобы Бог меня простил.
Всего одну я клятву позабыл,